

«Ты — Тарзан, я — Янне»

Тарзан с воплем бросилась вниз. Просвистев сквозь листву, она с тяжелым, глухим звуком рухнула на мое левое плечо. Несколько метров я катился вниз по тропинке, пытаясь тормозить руками и ногами.

Скажем прямо, в первую нашу встречу я не был на высоте. Наоборот: на высоте оказалась она, причем на большой.

И как вы думаете, что она мне сказала?

Отпустив канат, она вскочила и сердито выругалась: «Черт!» Потерла колено, слегка покрасневшее от удара о мою ключицу. Бросила колючий взгляд из-под черных бровей, неприятно напомнив мне нашу школьную учительницу.

— Нехорошо получилось! — сказала она. — Ты уж меня извини. Хотя мог бы держаться подалее от этого дерева.

Я просто лишился дара речи. Сначала чуть не убила, а теперь еще указывает, где можно ходить, а где нельзя. И это — на общественном пляже!

— Эй, ты, заткнись! — прошипел я.

Она была в бикини, пятнистом, как леопард. Я так ненавижу ее, мне даже хотелось дать ей в зу-

бы, но я никак не мог прийти в себя и, лежа на земле, хватал ртом воздух. Она села на корточки:

— Ты ничего не сломал?

В ответ мне удалось издать лишь несколько судорожных вздохов.

Маленький белобрысый ребенок неопределенного пола, стриженный под горшок, выскочил из кустов и, подбежав к ней сзади, обхватил руками за шею. Поджав ножки, он повис у нее на спине, как маленький рюкзачок.

— А почему дядя лежит на земле и так странно дышит?

Дядя! Ну еще бы, для такой малявки двадцатидевятилетний парень уже дядя. Хотя меня это слегка задело. Наверно, не за горами кризис среднего возраста. Я состроил самую злобную из своих гримас.

Она рассеянно вытерла рукой нос.

— Мы упали. Белла, надень свитер! Нельзя так долго сидеть в воде.

— Что значит «мы»? Это ты на меня упала, — прохрипел я. — Надо смотреть, куда прыгаешь! Если у меня перелом, я тебе такое устрою!

До чего ужасная баба! Она была старше меня, ей никак не меньше тридцати пяти, под глазами мешки, на лбу морщины.

Вдруг я почувствовал жжение пониже спины, слева. Черт побери — приземлился прямо на очки «Армани». Я купил их в Гонконге всего три недели назад. Осколки впились в мою задницу!

— Я не шучу! — пробормотал я, пытаюсь отдышаться, как роженица после схваток. — Ты представляешь опасность для общества. Я на тебя в суд подам!

Она хмыкнула, будто моя угроза обрадовала ее.

— Желаю удачи! — сказала она. — Ты получишь от меня столько же, сколько налоговый инспектор, осужденный за взятки. Попросту говоря, ничего. Глянь на вывеску и расслабься.

Она кивнула на огромную вывеску над тропинкой, по которой я проходил. «ОСТОРОЖНО! ТАРЗАНКА!» — было написано там пронзительно-красными буквами. Черт!

— Мам, у него кровь из попы течет, — сказала мамлявка. — Прямо как у тебя иногда. А у него есть такие маленькие беленькие салфетки, как у всех мам?

Женщина улыбнулась и потрепала ребенка по плечу.

— Очень может быть! — сказала она. — Ты пользуешься «Либресс»? — И она ткнула пальцем в направлении моей пятой точки.

Вероятно, после этих слов мне полагалось рассмеяться. Но почему-то было не смешно. Мне хотелось больно схватить ее за груди и оттянуть их хорошенечко до самого живота, который едва прикрывало бикини. Фу, какая у нее ужасная грудь, как уши у таксы!

Я уж не говорю о ее купальнике! Небось совершила налет на контейнер с барахлом Армии спасения, которым побрезговали даже несчастные язычники из окрестностей Сахары.

Я осторожно приподнялся и потер плечо. Все части тела находились на своих местах и пребывали в исправном состоянии, не считая раненой ягодицы. С судом лучше не связываться.

— Все в порядке? — улыбнулась она.

Ребенок без всякого стеснения уселся писать неподалеку.

— Вали отсюда, — пробормотал я.

Зад и плечо болели, где-то за правым глазом притаилось тяжелое похмелье, готовое в любую минуту вонзить в меня когти. Меньше всего на свете мне хотелось шутить и любезничать с этой перезрелой вульгарной бабой. Может, она решила, что я на радостях предложу ей выпить? Черт побери, она стояла и ухмылялась. Капля пота пробежала по ее животу и исчезла под шкурой псевдолеопарда. Возле паха из-под бикини выбивались черные волоски. Я так давно не видел, чтобы там не брили, что на мгновение мне показалось, будто в трусах у нее спрятался какой-то зверек.

Я встал на ноги с ловкостью, которую не хотелось бы демонстрировать в тренажерном зале. И удалился, топая так возмущенно, что белый песок взвихрялся за мной облаком.

«Дядя маме что-то дал»

Мама спрыгнула на дядю, он упал и разозлился. Сказал, что покажет ей, а еще сказал «дерьмо». А мама на него не обиделась. Она сказала ему: «Же-

лаю удачи!», и мы ушли. А потом мы ели мороженое с лакрицей снаружи и внутри, а этот придурок Билли уронил свое мороженое в песок, и мама сказала, чтобы я дала ему половину, — пришлось дать, но за это я больно ущипнула его за спину. Он закричал, а мама сказала: «Какого черта!» Детям такие слова говорить нельзя. Вечером на двухэтажной кровати мы ели сосиски с хлебом и пили грушевый лимонад, а потом мне дали пузырек с таблетками, и Билли тоже дали, но он свой уронил, и таблетки рассыпались. Мы стали играть этими таблетками в шарики, и Билли заметил, что я съела все таблетки, когда осталось только две штуки. Тогда он заорал, и мама сказала: «Какого черта!» А еще, пока мама куда-то ходила, с нами сидела тетя Йенни и читала нам «Дональда Дака», и, когда надо было ложиться, мне разрешили спать наверху. Зубы мы чистили на улице, а пасту выплевывали в траву, и она становилась белой. Потом я наткнулась на гвоздь, у меня потекла кровь, и тетя Йенни наклеила мне пластырь. А когда пришла мама, я закричала, но она ничего не сказала. Мама была какая-то странная. Лицо у нее покраснело, и от нее странно пахло. Она сказала тете Йенни, что какой-то дядя ей что-то дал, пистон или что-то похожее, и мне захотелось на него посмотреть. Но у мамы его не было, она рассмеялась, и тетя Йенни тоже. Потом тетя Йенни с мамой меня зацеловали, они дули на пластырь и называли меня малышкой, Билли спал, и мама разрешила мне полежать в ее кровати, а пахло от нее очень странно.

«Честь имею!»

На праздники мы с Йенни и детьми сняли четырехместный домик на побережье, детей пришлось упаковать в кроватях по двое. Заплатили сущую ерунду, сезон-то уже закончился, но мы все равно еле наскребли. Это была единственная поездка за все лето, на которую мы могли разориться. Еду взяли с собой, а на танцы в ресторан решили ходить по очереди: пока одна будет сидеть с детьми, другая проскользнет туда, небрежно затягиваясь сигареткой. Однако наш план чуть не рухнул. Вечером, когда мы ели бутерброды, Калле подташнивало, мы подумали, что он отравился, и хотели звонить в инфекционное отделение Каролинской больницы, но в последний момент его вырвало прямо на газон. Стало ясно, что он провел этот день на диете из клубники с песком. Калле съел горы песка. Теперь он наверняка похудел килограмма на два. Йенни ругалась, пытаясь отстирать пятна холодной водой.

— Иди первая! — сказала она. — Присмотришься к ассортименту и выбери кого хочешь. А я приду позже и возьму то, что не пошло в дело. Мне все равно придется сидеть с Калле, пока он не уснет.

— Скажешь тоже, «кого хочешь»! Да я всех хочу, начиная с помощника официанта и так далее, — мрачно ответила я. — Я бы на них спикировала, раскинув ноги, как белка-летяга. Один от

моих прыжков уже пострадал. Я так давно ни с кем не спала, что забыла, как это делается.

— Такое не забудешь, это у человека в крови, — сказала Йенни. — Ты ведь на велосипеде ездить не разучилась? Вверх-вниз, вверх-вниз. Туда-сюда, туда-сюда. Главное, за руль держись покрепче. — Она прыснула, помахав перед собой термосом с самопальным коктейлем «Маргарита».

— Ага, а потом я приглашу его к нам выпить, — продолжила я, покосившись на двухэтажные штабеля детей. Двое моих и двое Йенни, только кто где различить невозможно, они прижались друг к другу, словно лисята.

— Ты можешь принять его под ближайшим кустом, — сказала Йенни. — В конце концов, это ведь двухзвездочный отель. А может, поймаешь на крючок кого-нибудь с одноместным номером. Только чур по очереди. Я тоже хочу выйти на ринг. — Она отхлебнула «Маргариты». Не люблю смотреть, как кто-то хлещет из горла.

Больше всего мне идет платье цвета морской волны с тонкими лямками. Впрочем, оно уже мхом поросло. Мике купил его в секунд-хенде, повинуюсь очередному благому порыву.

Я выскочила за дверь как раз в тот момент, когда Билли отвесил Белле оплеуху, так что обоим было не до меня.

Вечер выдался волшебный. С моря ласково дул сильный теплый ветер, луна была почти полной, а волны переливались, как струйчатый шелк. Море и ветер сливались в прекрасной симфонии, я сто-

яла как зачарованная, вдыхая аромат водорослей и хвои. Это был другой мир. Неужели теперь, когда мне наконец удалось выбраться из нашей тесной лачуги, я добровольно нырну в облако дыма и оглушительной музыки? И кто я после этого? Ведь здесь есть все, что нужно для счастья! К черту ресторан, лучше прогуляюсь вдоль берега. Я сняла туфли.

Вдруг дерево прямо передо мной зашевелилось. Я вскрикнула.

В лунном свете возник парень с сигариллой — тот самый, с которым мы столкнулись на тарзанке. Он сдержанно кивнул мне и двинулся в сторону ресторана. Еле удержавшись от смеха, я крикнула вслед:

— Не хочешь попробовать? Хотя бы один разок! Тарзанка — это круче, чем табак! Круче, чем секс!

Надо сказать, «Маргарита» давала себя знать.

Обернувшись, он уставился на меня с кислой физиономией. Судя по всему, перебирал в уме самые крепкие выражения. Не найдя подходящего ответа, парень решительно зашагал к тарзанке. Я потрусила за ним.

Он скинул дорогой пиджак и быстро вскарабкался на дерево. Схватил канат, изготовился для прыжка, секунду поколебался, а потом сиганул вниз с растопыренными ногами. Прodelав пару больших кругов, он рухнул на землю передо мной. Я протянула руку, чтобы помочь ему встать, но вместо этого он прижал меня к себе. Только тогда

я заметила, что он пьян в стельку. Глаза его плотоядно поблескивали в лунном свете, а на лице блуждала глупая улыбка, словно он только что выиграл кучу денег в Бинго-шоу. Ноздри хищно раздувались.

Вдруг у меня треснула лямка на платье.

— Ты в своем уме? — вскрикнула я. — Платье порвешь!

Он наклонился и осторожно понюхал мою грудь, которая, пользуясь случаем, выглянула из декольте. А затем повалил меня на землю, как мешок с картошкой.

— Ну что, поваляемся? На кой нам эти танцы, мы и так далеко зашли. Идиотская музыка!

Вопрос дурацкий, зато честный. На насильника не похож, и то хорошо. Он даже приподнялся на локтях, чтобы не раздавить меня, хотя своим орудием крепко пригвоздил меня к земле, и я совершенно сомлела. Последний раз — два года назад... А почему бы и нет? Конечно, я доставлю ему это скромное удовольствие, ведь недавно я чуть его не убила. Да и сама я не против. Изогнувшись, одним ловким движением я выскользнула из платья.

Светила луна, шумело море, немного повозившись, парень повел себя гораздо проворнее, чем я ожидала. По ходу дела он прямо-таки рос в моих глазах, а под конец превратился в настоящего принца на белом коне. Холодный жесткий песок почти светился в темноте, сосновые иголки то и дело впивались мне в пятую точку, но я ни о чем

не жалела. Я стонала и задыхалась, он тоже поддавал жару.

Когда все закончилось, мы удивленно посмотрели друг на друга. Луна светила не хуже солнца, но возле тарзанки, находившейся на игровой площадке, никого не было.

Парень приподнял пальцем мою грудь — если засунуть под нее карандаш, то он там и останется — и принялся теревить ее так, что она запрыгала.

— Еще утром я мечтал это сделать! — сообщил он с явным удовольствием.

— Перестань! Я прекрасно знаю, что грудь у меня не идеальная!

— Когда я увидел ее, то понял, что грудь должна быть именно такой! — задумчиво продолжил он. Потом приник ухом к моему соску и погладил груди, словно щенят. — Ах вы мои хорошие. Не вешайте нос, малышки!

— Ну ты сказал. Такое нескоро забудешь! — ответила я, отряхивая с платья песок. Он встал и слегка покачнулся, хотя выглядел не таким уж и пьяным. Мы обменялись торжественным рукопожатием с грацией комических актеров довоенного кино. Честь имею, фрекен Карлсон!

— Может, все-таки потанцуем? Пойдем в ресторан? — предложил он.

Я покачала головой. Для меня дискотека окончена. Причем с минимальными потерями. Я сэкономила время на старте, достигла удовлетворительных результатов, ухитрившись обойтись без дурацкой музыки. А также пережила незабывае-

мые минуты слияния с природой. Еще немного, и я подамся в биологи.

Придерживая рукой оторванную лямку, я приветливо помахала ему и пошла домой. Я никогда больше не увижу его, но эта мысль ничуть не испортила мне настроения.

— Ну что? — спросила Йенни. Она утрамбовала нашу ораву в одну кровать и читала им «Дональда Дака». — Уже? Надеюсь, ты не ради меня так рано вернулась? Тебе ведь был нужен неслабый пистон!

Я потянулась за «Маргаритой».

— Если бы ты знала, какой пистон мне сегодня достался! Это был тот самый парень с тарзанки. Иногда люди попадают в цель еще до того, как выйдут на стрельбище. — Я специально так говорила, чтобы Белла или старший сын Йенни не догадались. Йенни поняла меня с полуслова и тотчас захохотала.

— В яблочко! — обрадовалась она. — Теперь я. Засекай время, попробую побить твой рекорд!

«Это стоило пары разбитых очков от “Армани”»

Вернувшись в ресторан, я подошел к зеркалу в вестибюле и поправил одежду. Я чувствовал себя почти трезвым, хотя после обеда от скуки опустошил половину мини-бара. Глядя на свое отражение, я

ухмыльнулся. Почти как Тарзан и Джейн! Хотя, скорее, я напоминал Читу. Вылитый шимпанзе — небритый, лохматый, потрепанный жизнью, выдавший виды, — она могла запросто перекинуть меня через плечо и вскарабкаться на дерево.

Пальцы еще чувствовали прикосновение к ее груди, похожей на уши шоколадной таксы. А какие у нее мягкие губы... Вряд ли еще подвернется случай попробовать их на вкус.

Крис ждал меня в ресторане. Потешаясь над меню с исковерканными названиями французских блюд, он уже заказал нам по куску жесткого мяса.

— В таких местах совета у шеф-повара лучше не спрашивать, — занудствовал Крис. — Надеюсь, нам не придется пить их домашнее вино, это уж слишком! В меню значится полуприличное «Каберне» — ладно, сойдет! А еще мороженое с клубникой, которое они называют «Glacé aveck framboises» и произносят как «фрамбойсес»...

Крис полжизни проработал в Брюсселе, он спрятал меню, чтобы показать его брюссельским друзьям.

На сцене наяривали музыканты в блестящих малиновых пиджаках с голубыми лацканами и галстуками, они вертели духовыми инструментами в такт музыке, посылая дамам на танцполе игривые блики. Публика неистово отплясывала буги, хотя больше это походило на рукопашную схватку. Танцующие вертелись так, что то и дело теряли партнеров, натыкались друг на друга и хохотали. Где-то

на задворках моего сознания вновь и вновь прокручивался один и тот же фильм. Луна, беспокойное море и старомодное муаровое платье зеленого цвета. В темноте поблескивают любопытные зеленые глаза под прямыми невыщипанными бровями. Наверняка у нее линзы. Либо она отчаянная модница, либо ей абсолютно на себя наплевать — так, кажется, я подумал, когда увидел ее вблизи. Сколько мужества нужно, чтобы удержаться от соблазна выщипать брови такого калибра!

В ботинки набился песок, а тело пребывало в приятном расслабленном состоянии. Ну надо же! Это происшествие стоило пары очков от «Армани»!

Крис с высокомерным видом ворчал, что в этом ресторане все типично шведское. Оркестр, публика, прически, официанты, еда. Он продолжал разыгрывать из себя бывшего путешественника, который наблюдает за повадками туземцев и собирает материал для статьи в «Нэшнл джио-грэфик».

— Крис, дружище, ты же сам вырос в этом городке! — не выдержал я. — Прошло не так много лет с тех пор, когда ты считал этот ресторан самым фешенебельным местечком на свете. Наверняка здесь отмечали твою конфирмацию, а на совершеннолетие родители привели тебя сюда и разрешили выбрать в меню «предложение дня».

Крис смутился. Я не знал о нем ничего, кроме того, что он был директором филиала компьютерной фирмы, куда меня командировали, чтобы мо-

дернизировать оборудование, и что во время обучения на экономиста он стажировался в управлении ЕС. Кроме того, я знал, что он не любит, когда его называют «дружище».

— Черт возьми, я уверен, что ты праздновал здесь свой выпускной, шатался небось среди дюнов с какой-нибудь девчонкой из параллельного класса и блевал ей в декольте сиреневого атласного платья, которое мама сшила по случаю праздника! — беспощадно добавил я.

Вид у Криса сделался виноватый, и он принялся рассуждать о ресторанах неподалеку от Гран-плас в Брюсселе, о том, какие завлекательные тексты там придумывают для вывесок-меню в ближайших переулках, чтобы заманить посетителей. *I couldn't care less**.

— Не знаю, как там в Брюсселе, но вот это филе оказалось потрясающим! — соврал я. — Не удивлюсь, если они готовят его из настоящего шарлезского быка!

Крис посмотрел на меня с сомнением. Можно ли по вкусу определить вид говядины? Так же, как сорт вина?

Оставив его в задумчивости, я пригласил на танец блондинку в серебристой хламиде, которая совершенно не шла к ее нежному личику. Она стояла прислонившись к колонне — кажется, у

* Здесь: Да плевать мне на все это (англ.). (*Здесь и далее примеч. переводчика.*)

нее не было столика — и курила сигареты одну за другой, пуская из носа дым. Время от времени девушка искоса поглядывала в нашу сторону. Наверняка ее интересовал Крис. Но в ответ на мое приглашение она весело кивнула и направилась к танцполу. Бешеное буги сменилось не пойми чем, напоминающим перебежки под перекрестным обстрелом, — чтобы выжить приходилось искать убежище в траншеях между танцующими.

— Тебя, случайно, не Янне зовут? — спросила она неожиданно низким голосом.

Я кивнул.

— А я подруга Марианы. Мы снимаем здесь домик.

Марианы? Какой еще Марианы? Она смотрела на меня, улыбаясь, и вдруг я понял, что так зовут обладательницу зеленых глаз и зеленого муарового платья с лопнувшей лямкой. И еще я понял, что эта Мариана успела обо всем рассказать своей подруге.

Меня это ужасно взбесило, я почувствовал себя жертвой школьниц, мечтающих о любви. Со мной такое уже было в гимназии. Началось все с того, что девчонки стали писать мое имя на партах, а потом окончательно обнаглели. Они поджидали меня у выхода из школы, в столовой влезали передо мной в очередь, слали записки с сердечками. А в выпускном классе наперебой щипали меня за задницу и дразнили Томиком из-за сходства с Томом Крузом, как они объясняли. Мне, конечно, все это до фонаря, но они меня просто

достали! Что они о себе возомнили? И почему, интересно, девчонкам такие приставания сходят с рук, а парням — нет?

— Ну что, подпрыгаемся? — сказал я блондинке и со всей силы крутанул ее за широкие плечи.

«Косточки в ушах»

А утром нам дали такие вкусные йогурты с карамелью наверху. И вообще мы проснулись как будто в пещере, потому что мама завесила кровать покрывалом. Я стояла вверх ногами, на плечах, Билли так не умеет, а ногами упиралась в мамин матрас наверху, так что мама чуть не вывалилась из кровати, но она только смеялась. А потом проснулись Калле и Габби, она описалась, а ведь это чужие кровати! Йенни с мамой попросили меня нарвать цветов, чтобы украсить стол к завтраку. Я нарвала колокольчиков, маленьких желтеньких цветков, а клевер не взяла, он был какой-то коричневый и засохший, поэтому много я его рвать не стала, только несколько цветочков. Мама поставила букет в кружку от термоса и сказала, что она больше им не понадобится, и так посмотрела на тетю Йенни, как будто это она виновата. А тетя Йенни совсем не виновата, что кофе кончился. Пустой термос валялся на полу, а у тети Йенни болела голова. Билли опять хотел на тарзанку, но одного его не пустили, мама сказала, что хватит, они уже вчера накачались, и тогда тетя Йенни засмея-

лась, хотя что тут смешного? У нее с собой было много апельсинов. Мы сидели на лестнице и ели их, только чистились они плохо, но у меня все равно получалось, а в шкафчике в том маленьком домике лежал сахар, можно было брать кусочки и засовывать их в апельсины, а потом высасывать апельсиновый сок через кусочки сахара. Только так делать нельзя, это для зубов вредно. Калле тоже попробовал стоять вверх ногами, как я, но перевернулся, тогда он взял апельсиновые косточки и сказал, что запросто сможет засунуть их в уши. А я сказала, что не сможет, а он все-таки засунул. Сначала одну, а потом еще несколько, мы так смеялись, было здорово! А потом пришла его мама и закричала, а Калле заплакал, он сказал, что ему больно, а я молчала, я завязывала Билли шнурки на кроссовках розочкой, получилось красиво, ведь это я виновата, что Калле насовал себе этих косточек.

«К сожалению, это спортивная машина»

Какой-то кретин поцарапал мою машину, взял и провел по всему корпусу ключом или чем-то острым. Лучше бы вырезал там сердечко с надписью «Гюллан + Стуре», хоть какой-то был бы смысл. Откуда эта глупая страсть к разрушению? Знаю, что по страховке такие повреждения не возмеща-

ют, а машина, между прочим, стоила четыреста тысяч. Всегда рискуешь, поэтому лучше переплатить пару сотен за страховку, чем потом пострадать от крошечного камешка или обнаружить вместо машины сгоревший остов.

На мгновение я представил, как Тарзан пронесится мимо моей машины и на ходу царапает ее острыми ногтями, хотя эта дамочка не из тех, кто отращивает изящные длинные ногти. Ох уж эти мартышечьи лапки! Такие теплые... такие цепкие... и такие ловкие...

Выезжая со стоянки на своем обесчещенном автомобиле, я увидел ее вместе с той худющей блондинкой, которую я использовал как прикрытие, сражаясь с пляшущими чурбанами из ресторана. Мариану с блондинкой окружала стайка вопящей мелюзги — о Господи, это что, детсад на каникулах? Я насчитал всего лишь четверых детей, но каким-то загадочным образом они множились во всех направлениях, словно стайка щенков. Один из них орал громче всех и держался за ухо. Эта орава перекрыла выезд со стоянки. Несмотря на попытки спрятаться за рулем, Тарзан все-таки углядела меня.

— Кого я вижу! Да у тебя есть машина!

Она рванула дверцу автомобиля и позвала блондинку с ее орущим карапузом.

— Гони в травмпункт, в воскресенье все поликлиники закрыты, давай скорее!

— У него гости в ушах! — с важным видом поведала мне маленькая соплячка. Какие еще гости!

Я попытался прикрикнуть на них. Не хватало мне только, чтобы дети описали маркие сиденья из тонкой кожи! А у этого карапуза вся футболка спереди была в мороженом.

— К сожалению, это спортивная машина. Здесь только два места. А мне как раз надо совсем в другую сторону. Так что извините!

— «Извините» можешь засунуть себе в задницу! У этого малыша в ушах куча апельсиновых косточек, если они попадут в мозг, он станет эпилептиком — помолчи, Белла, мы потом об этом поговорим! — а ты будешь всю жизнь раскаиваться, что не помог ребенку! Да у тебя карма полетит к чертовой матери на ближайшие пять жизней! Он ведь может и в открытом багажнике посидеть. Только смотри, не гони, а то его вырвет на твои расчудесные сиденья. Йенни, дети поедут ко мне, вещи я тоже соберу, приезжай потом! У тебя деньги есть? Врачи могут содрать за прием пару сотен!

У меня аж дар речи пропал. Она меня совершенно не слушала, только раздавала указания, как будто я был ее пажом, да еще и язвила, черт бы ее побрал! Блондинка, всхлипывая, уселась рядом со мной, порылась в кошелечке и извлекла оттуда пару мятых двадцатикроновых бумажек. Тарзан тоже поковырялась у себя и нашла пятьдесят крон, а потом они принялись шарить по карманам детей в поисках монеток! Я не поверил своим ушам, когда внезапно услышал: «Не беспокойтесь, я заплачу!» — и понял, что это мой собственный голос.

Возле входа в отель стоял Крис с двумя шикарными одинаковыми чемоданами, которые были украшены монограммами. Он курил, ожидая меня, мы должны были вместе поехать на предприятие, чтобы просмотреть документацию к компьютерам. Я подкатил ближе, так что ему стало слышно орущего в багажнике карапуза, и небрежно сказал:

— Езжай на такси. За счет предприятия. Я сегодня вместо неотложки.

В зеркале заднего вида показался Крис, у которого челюсть медленно поползла вниз, а я вылетел из белых ворот с такой скоростью, что из-под колес посыпались искры. Ребенок в багажнике захлебывался рыданиями и теребил уши, блондинка всю дорогу орала, чтобы он не смел к ним притрагиваться, иначе косточки пролезут дальше. Когда она это говорила, ребенок начинал рыдать еще сильнее. В конце концов мне стало дурно, я явственно представил себе, как острые апельсиновые косточки впиваются в губчатое серое вещество, надо же так разбередить мое бедное воображение, проклятая Тарзан!

Ко входу в больницу мы подъехали не перекинувшись ни единым словечком. Блондинка выбралась из машины, схватила ребенка и позвонила в дверь приемного отделения. Я окликнул ее и сунул несколько сотенных бумажек. Она едва на меня взглянула.

— Я верну! — сказала она неуверенно. — Кто вы, как вас найти?..

Я дал свою визитку — для более подробного рассказа о себе случай был неподходящий, — и они тут же исчезли за стеклянными дверями.

«Он говорил,
что ради нас готов на все»

«Я бедный грешник...» По радио передавали воскресную мессу, но меня эти слова не касались. Я настолько бедна, что не могу позволить себе такую роскошь, как грех.

В детстве мы рисовали бедняков с разноцветными квадратными заплатами, пришитыми к одежде большими стежками. И еще рисовали троллей. Я долгое время не знала, что между бедняками и троллями есть существенная разница, одни мне казались печальными, другие — страшными, вот и все.

Теперь-то я знаю, что у нас, бедняков, с троллями много общего. Например, то, что люди не верят в наше существование.

Бедняки — это бездомные бродяги, ну и, возможно, пенсионеры. Но винить в своих несчастьях они могут только себя, так как бездомные пускаются во все тяжкие, а пенсионеры сидят, как пришитые, в больших городах, об этом везде пишут. А как обстоят дела с матерями-одиночками? Вообще-то так себе, но ведь им в специальные почтовые ящики сыплются всякие дотации: посо-

бие на ребенка и питание, социальные субсидии, займы на жилье и на учебу, если они хотят учиться, — и все это на деньги налогоплательщиков! Так что нечего жаловаться! Вас никто не просил заводить детей, которых вы не в состоянии содержать. Помалкивайте, и точка!

Белла появилась на свет потому, что однажды вечером у нас не хватило однокроновых монеток для автомата с презервативами. Даже признаться стыдно, так все глупо получилось. А когда я ждала Билли, у нас не было денег на обследование, и я не могла понять причину своего недомогания. Я решила, что это желудочный катар и безостановочно глотала «Новалукол», а потом было уже поздно. По-моему, когда ребенок начинает двигать ручками и ножками, об аборте не может быть и речи.

Но мне было так беспокойно, всю беременность сосало под ложечкой. Как раз тогда у Мике уже появились первые признаки безумия. Он видел на всяких дурацких сайтах тайные послания незнакомцев, адресованные ему лично. «Представляешь, Мариана, они пытаются разузнать, где я теперь живу!» Потом он стал вычитывать послания на неоновых рекламных щитах — помимо тех, которые явствовали из самой рекламы. Его преследуют, считал Мике. По пятам идут.

Однажды утром он исчез. Взял с собой только стопку чистых трусов и носков, лежавших в кухне на табуретке, и непонятно зачем прихватил мой дождевик. Помню, он говорил, что пластик защищает от чего-то там... точно, от облучения. При-

шлось смириться с тем, что Мике у нас с приветом. Хотя я много раз пыталась поставить себя на его место: каково это, верить в то, что куча незнакомых людей посылают друг другу тайные сообщения через разные сайты, и все для того, чтобы разыскать его. Мике полагал, что близок к прорыву в своем исследовании.

Его исследование — это отдельная история. С лабораторией и людьми в белых халатах оно никак не связано, хотя именно это я старалась внушить маме. Когда она позвонила и спросила, чем занимается Мике, я ничего лучшего не смогла придумать, как рассказать про научно-исследовательскую лабораторию. Маму это вполне устроило. Я живо себе представила, как у нее в глазах промелькнуло любопытство. Это было так приятно. С тех пор как умер папа, маму интересует только лотерея «Бинго».

Мике занимался своим исследованием в отделе газет и журналов городской библиотеки, во всяком случае, поначалу. Он часто объяснял мне, в чем состоит суть его работы, но я привыкла пропускать его слова мимо ушей, потому что абсолютно не понимала, о чем идет речь, и эта бессвязность пугала меня. Может, его исследование и правда не лишено было здравого смысла — у Мике полно всяких дипломов в области социологии, этнологии и теории науки, когда-то его считали блестящим молодым ученым — но, скорее всего, это был бред, вроде того, что осенял его ежедневно. Например, он считал, что детям надо смазы-

вать кожу на голове мочой. В полнолуние он часами простаивал на балконе голым. А почувствовав приближение простуды, обматывался бумагой — позапрошлой зимой мне самой не раз приходилось пеленать его в туалетную бумагу. Исследование основывалось на том, что он нашел — то есть вообразил себе, будто нашел, — общую закономерность в речи, письме и жестах у самых непохожих этнических групп. Коптские христиане в Эфиопии, битники пятидесятых, французские придворные дамы XVII века. Мике полагал, что в самом скором времени установит фундаментальные принципы функционирования и выражения человеческого мышления, найдет логику, ведущую от намерения к поступку. А если понять механизм мышления, можно предсказать дальнейшие шаги человечества — такие сведения повлияют как на национальную, так и на международную политику и планирование на всех уровнях. Как только Мике систематизирует свои открытия, он сможет в упрощенном виде представить их власть имущим всех иерархических ступеней — в первую очередь на национальном уровне, а потом и на международном. «Подумать страшно, какой общественный резонанс вызовут мои выступления», — говорил Мике. Но он вовсе не собирался идти к кому-то на службу ради почестей или денег. Он хотел подарить свое исследование всем, кого интересуют его результаты, и со страхом спрашивал, не против ли я. Мне кажется, в будущем он представлял себя серым кардиналом при

великом правителе, своего рода волшебником Мерлином, и, возможно, мне будет приятно стоять рядом с ним на трибуне в качестве фру Мерлин.

Я была жертвой любовной лихорадки. Уж я-то понимала основной принцип его мышления. Черт побери, конечно же такое открытие — если оно вообще возможно — должно принадлежать всем!

Ясное дело, никакой премьер-министр не пойдет в областную библиотеку, чтобы ознакомиться с исследованием Мике. Максимум, на что можно было рассчитывать, это что чей-нибудь доброжелательный ассистент, который помнит Мике по прошлым заслугам, согласится полистать его каракули, чтобы понять, есть ли там стоящие мысли. И то вряд ли.

Но он так нежно о нас заботился! Было время, когда он каждый день покупал нам разные вещи в кредит или заказывал по почте. Всякие забавные, совершенно ненужные, прекрасные безделушки. Трехмесячной Белле — хрустальную корону. Мне — пуховый спальник для арктической погоды, после того как я пожаловалась, что по ночам у меня мерзнут ноги. Он купил глину всех цветов радуги и целую ночь лепил для нас украшения: гигантские фантастические жемчужины и малюсеньких зверьков с дырочками для нитки. Он говорил, что ради нас готов на все.

Только не жить вместе.

Постепенно я поняла, что надо как-то зарабатывать на жизнь. Время от времени я давала уроки рисования в разных школах, где меня дразнили

Мэри Поппинс за мое непредсказуемое появление. Я брала грошовые переводы и соглашалась на еще более невыгодную работу вахтера в галерее. Я мыла лестницы в доме, где мы жили, — как раз в то время шел эксперимент с «гражданской инициативой», чтобы снизить оплату жилья. Мне постоянно приходилось отбрыкиваться от участия в проектах, которые Мике внедрял у нас дома и которые должны были принести нам небывалый доход. Продажа гербалайфа, установка дверных глазков, придумывание свадебных тостов. Потом мне предложили чуть больше полставки учителя рисования и пустячное пособие на жилье, поэтому, когда Мике исчез, я хотя бы могла планировать наши расходы.

Один взрослый и двое детей не в состоянии прожить на неполную зарплату учителя рисования, во всяком случае, если они каждый день не прочь поесть. А поскольку я отказалась взять ставку целиком, пособия мне не платили. Считается, что, если человек добровольно отказывается от полноценной зарплаты, дальше он решает свои проблемы сам. Бестолку было твердить о том, что отказываюсь я не от зарплаты, а от непосильного груза в одиночку работать весь день и при этом поддерживать нормальные условия для детей в промежутке между их поздним приходом из детсада и ранним сном, за которым следовало мытье посуды, уборка, стирка и готовка.

Алиментов от Мике получить было нельзя, поскольку никто не знал, жив ли он и если да, то где

его искать. Да и что можно требовать от пропавшего отца, его даже к суду не привлечешь. Я ведь не могла доказать, что его нет, или объяснить, почему он нам не помогает. Мне становилось дурно от одной только мысли, что это придется обсуждать по телефону с дознавателем. Мне казалось, если я докажу, что Мике с нами не живет, он исчезнет навсегда.

Последние три года одежду для детей я покупала в секонд-хенде. Дети были довольны, можно было выбирать самим, в обычном магазине я никогда им этого не позволяла.

Хотя недавно мне стало не по себе. Билли стоял как вкопанный в универмаге «Оленс» перед коробкой с картинками из диснеевского мультфильма. Я видела, что он готов умереть ради этих картинок. Сын безнадежно посмотрел на меня в полной уверенности, что я никогда не соглашусь купить такую никчемную вещь, и я сказала: «Раз тебе так хочется, Билли, значит, надо купить!» Он кивнул, не веря своим ушам, а я достала из кошелька последние деньги и купила картинки. На прокладки мне уже не хватило, хотя на днях они бы мне не помешали. Опять придется сворачивать полотенце, а потом, поздно вечером, замачивать в ведре с холодной водой, чтобы дети не испугались при виде крови. Раньше такое случалось.

Все эти неудобства забудутся еще до конца недели. А Билли будет радоваться картинкам значительно дольше.